Чародейка Ольга Шелкова

Новый чёлн

Ольга Шелкова, молодая и красивая женщина, недавно приехала в Москву и поселилась в Замоскворечье, на Малой Ордынке, в доме купца Лаврентьева. Муж её, Пётр Шелков, был инженер-путеец, служил на Рязанской дороге и бывал дома наездами — раз в две недели. Ольга скучала одна в большой квартире, ходила в театр и на балы, принимала гостей и сама ездила с визитами. Ничего особенного в её жизни не было.

Но вскоре по Москве пошли разговоры. Сначала шептались в гостиных, потом — в трактирах и на рынках. Говорили, что Ольга Шелкова умеет гадать на картах и на кофейной гуще, что она предсказала смерть одному старику и свадьбу трём барышням, и все её предсказания сбылись.

Первой об этом рассказала кухарка Лаврентьевых, Марфа Степановна. Она пришла к барыне за расчётом и, уходя, сказала:

— Не к добру вы, сударыня, с Шелковой знакомство водите. Она ведьма.

Барыня рассмеялась и велела Марфе замолчать. Но слухи не утихли. Через неделю о Шелковой говорил весь двор, через две — вся улица, а ещё через месяц — половина Замоскворечья.

Ольга Шелкова и сама не знала, откуда у неё взялся этот дар. Она никогда не учила карт, не читала книг о гадании. Просто однажды, раскладывая пасьянс, она увидела в картах то, что должно было случиться. Сначала она испугалась и бросила карты в печь. Но видение повторилось снова, и она поняла, что не может от него избавиться.

Муж, узнав о её занятии, рассердился. Он писал ей из Рязани, что это позорит его имя, что инженеру не пристало иметь жену-колдунью. Ольга обещала больше не гадать. Но обещание нарушила через неделю.

Однажды к ней пришла молодая купчиха Зарецкая, чей муж уехал в Нижний Новгород на ярмарку и не писал уже три недели. Ольга разложила карты и увидела дорогу, длинную дорогу, и человека, который по ней идёт. Она сказала купчихе, что муж жив, здоров и скоро вернётся. Так и вышло.

К весне 1873 года Ольга Шелкова была известна всей Москве. К ней ездили из Петербурга, из Нижнего, даже из Варшавы. Она принимала по рублю за сеанс, иногда брала и больше, если клиент был богат. Денег у неё стало много, но счастья не прибавилось.

Пётр Шелков приехал в Москву в апреле и застал жену в окружении дам, которые ждали своей очереди в прихожей. Он выгнал всех, запер дверь и потребовал, чтобы Ольга немедленно бросила свои занятия. Она ответила, что не может.

Они расстались. Пётр уехал обратно в Рязань, а Ольга осталась в Москве. Говорят, она гадает и по сей день, хотя ей уже за шестьдесят.

Хлебные цены в Москве

Цены на ржаной хлеб в Москве в 1873 году были самыми высокими за последние десять лет. Осенью четверть ржи стоила 9 рублей 50 копеек, а весной 1874 года поднялась до 11 рублей. Причиной стал неурожай в Рязанской и Тульской губерниях, откуда Москва получала основную часть зерна.

Булочники повысили цену на калач с 2 копеек до 3, а на ситный — с 1 копейки до 2. Бедные семьи стали есть больше гречневой каши и картофеля. Полиция следила за ценами строго, но это не помогло.

Городская управа открыла общественные столовые, где обед из щей и каши стоил 5 копеек. Туда выстраивались очереди с утра. Газеты писали, что это позор для столицы, но другого выхода не было.

Весной 1874 года урожай поправился, и цены вернулись к прежнему уровню. Но воспоминание о голодном годе надолго осталось в памяти москвичей.

— Извозчик Тарасов, по кличке Рыжий, был известен всей Пятницкой части. Он держал трёх лошадей и стоял на углу Большой Ордынки и Старомонетного переулка. Зимой и летом, в дождь и в мороз, он сидел на козлах своей пролётки и ждал седоков. Был он человек молчаливый, но наблюдательный.

В июне 1873 года к нему подошёл господин в чёрном пальто и цилиндре и спросил, сколько стоит доехать до Рогожской заставы. Тарасов назвал цену — 30 копеек. Господин сел, и они поехали.

Всю дорогу господин молчал, только один раз попросил остановиться у аптеки на углу Солянки. Тарасов остался ждать. Через пять минут господин вернулся, неся в руке маленький свёрток, и велел ехать дальше.

На Рогожской господин расплатился и вышел. Тарасов запомнил его лицо: бледное, с тёмными усами и бородой, глаза усталые. Больше он его никогда не видел.

Вечером Тарасов рассказал об этом седоке своему приятелю, извозчику Семёнову, который стоял неподалёку. Семёнов посоветовал ему не думать об этом — мало ли странных людей ездит по Москве.

Но Тарасов не мог забыть. Ему казалось, что в свёртке было что-то важное. Он решил, что если господин ещё раз сядет к нему, он спросит, что это было.

Прошло три недели. Тарасов уже почти забыл о происшествии. Однажды вечером, когда он ужинал в трактире, к нему подошёл тот же господин. Он был в сером пальто и без цилиндра.

— Вы меня помните? — спросил он.

Тарасов кивнул.

— Тогда вы знаете, что мне нужно, — сказал господин и назвал адрес в Замоскворечье.

Тарасов отвёз его молча. Господин вышел у ворот большого дома, дал рубль и сказал:

— Если будете ждать, получите ещё столько же.

Тарасов ждал. Господин вернулся через полчаса, сел в пролётку и велел ехать на Рогожскую. Там он вышел у аптеки, купил что-то и снова велел ехать на Солянку.

Так они ездили до трёх часов ночи. Господин молчал, Тарасов тоже. Когда они расстались, господин дал ему три рубля и сказал:

— Завтра в восемь утра у Иверской часовни.

Тарасов приехал вовремя. Господин сел и велел ехать в Сокольники. Там он вышел, прошёл по аллее и исчез в толпе гуляющих. Тарасов ждал его до полудня, но тот не появился.

Прошло несколько недель. Тарасов снова стоял на углу Ордынки и Старомонетного, ждал седоков. Однажды к нему подошёл человек, которого он не видел раньше, и спросил, не он ли возил господина в пальто. Тарасов насторожился и ответил, что возил многих.

Человек представился приставом Пятницкой части. Оказалось, что господин был разыскиваемым преступником, скрывавшимся от полиции. Тарасов помог его найти, сам того не зная.

Пристав поблагодарил его и обещал награду. Тарасов получил пятьдесят рублей — большие деньги для извозчика. Он купил на них новую пролётку и стал ездить на ней.

Семёнов, узнав об этом, сказал, что Тарасов родился в рубашке. Тарасов согласился. Он и сам так думал.

— Извозчик Тарасов, по прозвищу Рыжий, был известен всей Пятницкой части. Он держал трёх лошадей и стоял на углу Большой Ордынки и Старомонетного переулка. Зимой и летом, в дождь и в мороз, он сидел на козлах своей пролётки и ждал седоков. Был он человек молчаливый, но наблюдательный.

В июне 1873 года к нему подошёл господин в чёрном пальто и цилиндре и спросил, сколько стоит доехать до Рогожской заставы. Тарасов назвал цену — 30 копеек. Господин сел, и они поехали.

Всю дорогу господин молчал, только один раз попросил остановиться у аптеки на углу Солянки. Тарасов остался ждать. Через пять минут господин вернулся, неся в руке маленький свёрток, и велел ехать дальше.

На Рогожской господин расплатился и вышел. Тарасов запомнил его лицо: бледное, с тёмными усами и бородой, глаза усталые. Больше он его никогда не видел.

Вечером Тарасов рассказал об этом седоке своему приятелю, извозчику Семёнову, который стоял неподалёку. Семёнов посоветовал ему не думать об этом — мало ли странных людей ездит по Москве.

Но Тарасов не мог забыть. Ему казалось, что в свёртке было что-то важное. Он решил, что если господин ещё раз сядет к нему, он спросит, что это было.

Прошло три недели. Тарасов уже почти забыл о происшествии. Однажды вечером, когда он ужинал в трактире, к нему подошёл тот же господин. Он был в сером пальто и без цилиндра.

— Вы меня помните? — спросил он.

Тарасов кивнул.

— Тогда вы знаете, что мне нужно, — сказал господин и назвал адрес в Замоскворечье.

Тарасов отвёз его молча. Господин вышел у ворот большого дома, дал рубль и сказал:

— Если будете ждать, получите ещё столько же.

Тарасов ждал. Господин вернулся через полчаса, сел в пролётку и велел ехать на Рогожскую. Там он вышел у аптеки, купил что-то и снова велел ехать на Солянку.

Так они ездили до трёх часов ночи. Господин молчал, Тарасов тоже. Когда они расстались, господин дал ему три рубля и сказал:

— Завтра в восемь утра у Иверской часовни.

Тарасов приехал вовремя. Господин сел и велел ехать в Сокольники. Там он вышел, прошёл по аллее и исчез в толпе гуляющих. Тарасов ждал его до полудня, но тот не появился.

Прошло несколько недель. Тарасов снова стоял на углу Ордынки и Старомонетного, ждал седоков. Однажды к нему подошёл человек, которого он не видел раньше, и спросил, не он ли возил господина в пальто. Тарасов насторожился и ответил, что возил многих.

Человек представился приставом Пятницкой части. Оказалось, что господин был разыскиваемым преступником, скрывавшимся от полиции. Тарасов помог его найти, сам того не зная.

Пристав поблагодарил его и обещал награду. Тарасов получил пятьдесят рублей — большие деньги для извозчика. Он купил на них новую пролётку и стал ездить на ней.

Семёнов, узнав об этом, сказал, что Тарасов родился в рубашке. Тарасов согласился. Он и сам так думал.

Торговля пушниной в Нижнем Новгороде в 1873 году

Нижегородская ярмарка издавна была крупнейшим местом торговли пушниной в России. В 1873 году сюда привезли товаров на 13 миллионов рублей, и среди них пушнина занимала одно из первых мест. Здесь встречались купцы из Сибири, Архангельска, Астрахани и Москвы, а также иностранные покупатели.

Основными поставщиками пушнины были сибирские купцы. Они привозили шкуры белки, лисицы, куницы, горностая и медведя. Часть товара шла с Урала, часть — с Алтая и из Якутии. Путь был долгим и опасным: обозы ехали по Сибирскому тракту месяцами, и не каждый караван доходил целым.

Цены на пушнину в 1873 году были высокими. Хорошая шкурка белки стоила от 15 до 40 копеек, соболь — от 3 до 10 рублей, а шкура медведя — от 5 до 12 рублей. Самые дорогие меха — соболь и чёрная лисица — продавались штучно, и их покупали только богатые скупщики.

Ярмарка открывалась 15 июля и продолжалась до конца августа. Первые две недели шла оптовая торговля между купцами, а потом товар начинали продавать розницей. Тогда на ярмарку стекались и горожане, и крестьяне из окрестных деревень.

Расчёты велись в основном наличными деньгами, но многие крупные сделки оформлялись векселями. Банки Нижнего Новгорода и Москвы открывали для ярмарки временные отделения, чтобы купцы могли обменять деньги и получить кредит.

Полиция следила за порядком строго. Воровство пушнины каралось ссылкой в Сибирь, а подделка клейм — тюрьмой. Несмотря на это, мошенники находились всегда: они подменяли хорошие шкурки плохими, а иногда и вовсе продавали кошек под видом соболей.

Ярмарка 1873 года считалась удачной. Торговцы остались довольны ценами и количеством покупателей. Газета «Нижегородский листок» писала, что ярмарка «оправдала надежды и показала, что пушной промысел в России ещё далеко не исчерпан».

XIII

Пока Ольга Шелкова гадала в Москве, Тарасов продолжал ездить по своему маршруту. Прошло лето, наступила осень, и однажды в октябре к нему снова подошёл тот самый пристав. Он сказал, что господин в пальто был арестован и что Тарасов должен явиться в участок для дачи показаний.

Тарасов явился. Его допрашивали два часа. Он рассказал всё, что помнил: куда ехали, сколько раз останавливались, что господин делал у аптеки. Пристав записывал и кивал.

Оказалось, что аптека на Солянке была тайной явкой. Господин передавал там записки и получал деньги. Его звали не Иван Петрович, как он представлялся Тарасову, а совсем иначе. Настоящее имя Тарасов так и не узнал.

Суд состоялся в декабре. Тарасов был вызван свидетелем. Он снова рассказал свою историю. Господина приговорили к ссылке в Сибирь. Тарасов получил ещё двадцать рублей за беспокойство.

Зимой Тарасов продал пролётку и купил сани. Дела шли хорошо. Он женился на дочери булочника с Ордынки, завёл семью и прожил в Москве до самой смерти, умер в 1901 году, оставив после себя троих детей и репутацию человека, которому лучше не попадаться на дороге.

Хлебная торговля в Москве в 1873 году

Москва в 1873 году была крупнейшим хлебным рынком России. Через неё проходили почти все товары, которые везли с юга и востока страны. Здесь строились новые элеваторы, открывались биржи и конторы, где купцы заключали сделки на поставку зерна.

Основным товаром была рожь. Её привозили из Рязанской, Тульской и Калужской губерний. Пшеница шла с Украины и из Поволжья. Овёс и ячмень использовались в основном для лошадей. Цены на рожь в начале года держались около 9 рублей за четверть, к осени поднялись до 11 рублей.

Главная биржа находилась на Ильинке, в здании, построенном в 1871 году. Там ежедневно собирались сотни купцов, маклеров и приказчиков. Торги начинались в десять часов утра и длились до трёх. Шум стоял такой, что слышно было с улицы.

Хлеб доставляли по Москве-реке на баржах и по железной дороге. Рязанская дорога была самой загруженной: по ней шло больше половины всего зерна. Грузчики работали артелями, получали за пуд копейки, но за день могли заработать рубль.

Городская управа следила за ценами строго. Когда рожь дорожала, хлеб в булочных тоже поднимался в цене. Бедные семьи ели больше гречневой каши и картофеля. Полиция составляла протоколы на тех, кто продавал товар с недовесом.

Зимой 1873 года цены резко выросли из-за неурожая в Рязанской губернии. Газеты писали о голоде в деревнях. Городская управа открыла общественные столовые, где обед из щей и каши стоил 5 копеек. Туда выстраивались очереди с утра.

Весной 1874 года урожай поправился, и цены вернулись к прежнему уровню. Но воспоминание о голодном годе надолго осталось в памяти москвичей. Хлебная торговля Москвы ещё не раз переживала подъёмы и спады, но такого испуга, как в 1873 году, больше не повторялось.

XIII

Пока Ольга Шелкова гадала в Москве, Тарасов продолжал ездить по своему маршруту. Прошло лето, наступила осень, и однажды в октябре к нему снова подошёл тот самый пристав. Он сказал, что господин в пальто был арестован и что Тарасов должен явиться в участок для дачи показаний.

Тарасов явился. Его допрашивали два часа. Он рассказал всё, что помнил: куда ехали, сколько раз останавливались, что господин делал у аптеки. Пристав записывал и кивал.

Оказалось, что аптека на Солянке была тайной явкой. Господин передавал там записки и получал деньги. Его звали не Иван Петрович, как он представлялся Тарасову, а совсем иначе. Настоящее имя Тарасов так и не узнал.

Суд состоялся в декабре. Тарасов был вызван свидетелем. Он снова рассказал свою историю. Господина приговорили к ссылке в Сибирь. Тарасов получил ещё двадцать рублей за беспокойство.

Зимой Тарасов продал пролётку и купил сани. Дела шли хорошо. Он женился на дочери булочника с Ордынки, завёл семью и прожил в Москве до самой смерти, умер в 1901 году, оставив после себя троих детей и репутацию человека, которому лучше не попадаться на дороге.

[illegible]

ԱՐՏԱՔԻՆ ՏԵՍՈՒԹԻՒՆ

ԵՒՐՈՊԱ ԵՒ ՉԻՆԱՍՏԱՆ

[illegible]